

J A K E N E I L S

ТОМ ПЕРВЫЙ
ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Хроники Чародеев

**THE CHRONICLES OF
WIZARDS**

Jake Neils

**Хроники Чародеев.
Том I. История 1**

«Издательские решения»

Neils J.

Хроники Чародеев. Том I. История 1 / J. Neils — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938154-5

1939 год, Королевство Венгерское, Будапешт. Сын бывших волшебников Марк Ковач окажется в центре событий, которые изменяют мир, а сам он навсегда впишет свое имя в «Хроники Чародеев».

ISBN 978-5-44-938154-5

© Neils J.

© Издательские решения

Содержание

1. Что за имя?	6
2. Зловещие сны	11
3. Кто ты и что ты тут делаешь?	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Хроники Чародеев Том I. История 1

Jake Neils

– Эй, малой, пиел вон! – какой-то огромный тип оттолкнул меня в сторону. Я чуть было не упал, но смог устоять на ногах, а вот мешок с мукой упал со спины. В животе ныло и урчало. Я посмотрел вслед тому, кто так бесцеремонно повел себя так со мной. Высокий, толстый, в длинном пальто и с цилиндром на голове. В руке трость.

Только и успел подумать: «Чтоб ему пусто было!»

© Jake Neils, 2019

ISBN 978-5-4493-8154-5 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-8155-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Что за имя?

17 АПРЕЛЯ 1939 года. Будапешт, Венгрия.

Ветер сегодня особенно сильный и промозглый, я бы назвал его злым. Апрель в Будапеште всегда ветреный и холодный. Наверное, сегодня ветер дует со стороны Дуная, поэтому так плохо на улице. Пока работаешь – не замечаешь, а когда доходит до того, чтобы просто пройти по улице, становится не по себе. До ночлежки оставалось идти не меньше четырех кварталов. Я шел, вперед понимая, что сегодня я снова окажусь без ужина. Мало работы – мало монет. Да и кто даст одиннадцатилетнему парню больше денег за перетасканные два мешка муки? Я бы не дал. Я почти дошел до ночлежки, когда меня окликнули.

– Марк! Марк! – Это Джено, и только его сейчас и не хватало. Он бежал, размахивая руками. – Марк, ты не поверишь! Нужно поговорить. Стой же! Серьезно!

Я устало посмотрел на него, но тот, похоже, не заметил моего взгляда. Когда он добежал до меня, я заметил, что он весь мокрый.

Джено старше меня на несколько месяцев, но иногда кажется, что ему всего лет восемь. Всегда шумный, и это иногда сводило с ума. Сейчас его очень трясло от чего-то важного. Переминаясь с ноги на ногу, он затараторил, да так, что наверняка вся улица его слышала:

– Я такое видел! Такое! Ты не поверишь! Марк, я видел таких... как это... ну, волшебников, магов, типа! Марка, видел. Клянусь!

– Ко-о-о-го? – протянул я, сощурив глаза в иронической гримасе. – Кого ты видел?

– Я серьезно! Черт меня дерит! Ну а как их назвать? Такие, в длинных пальто, или что там у них, у них...

Я решил прервать этот бред.

– Джено, я очень устал и мне сегодня влетит. Давай, потом расскажешь? – и я пошел дальше, в сторону ночлежки. Но Джено от меня не отставал и молча поплелся со мной.

Я шел и думал о том, что несколько монет старухе не понравятся и меня оставят без еды. Правда, этот суп с двумя капустными листьями и парой фрикаделек с трудом можно было назвать супом. Впрочем, я не жаловался. Иногда мне везло, я зарабатывал много монет и не спешил делиться со старухой. Тогда я ел в маленьких забегаловках. Иногда мясо, иногда рыбу. Иногда вообще ничего не ел, если не зарабатывал. Всякое бывало. И сейчас я думал только о еде и нагоняе, который получу от Старухи.

– Марк? – Джено надоело молчать.

– М?

– Я хочу тебе кое-что показать. Это очень интересно. Я обещаю. Если окажется неинтересно, я дам тебе тысячу пенгё.

Тут я задумался, а Джено затаил дыхание. Тысяча пенгё. Много. Мне бы точно хватило. Но откуда такие деньги у Джено?

– Покажи.

Джено посмотрел мне в глаза, потом потянулся рукой во внешний карман пиджака и достал две смятые бумажки. Каждая в пятьсот пенгё. Я видел, как его глаза на мгновение заблестели. Но усталость давала о себе знать.

– Идешь? – очень твердо спросил меня друг.

– Купить меня решил?

– Шутишь? – Джено усмехнулся. – Делюсь, вообще-то! Пока ты мешки муки таскал, я...

– Вытащил кошелек?

Джено закатил глаза:

– Нет же! У папы попросил. Он дал: торопился сильно – и дал.

Да, Джено из богатой семьи. Хорошо, когда у тебя есть семья. Я спокойно отношусь уже к разговорам про родителей. Мои родители редко появляются, но им не разрешено забрать меня от Старухи. Они наказаны. Говорят, что плохие люди пришли и забрали моих родителей в тюрьму, а некоторые говорят, что хорошие люди пришли и забрали плохих людей в место, где им помогут стать хорошими. Второе говорят чаще первого. Иногда тех, кто говорит первое, тоже забирают.

Иногда, когда я вижу, как мой папа с огромной метлой в руках метет улицу, а рядом стоят двое в форме, мне все реже думается, что это хорошие люди. Я знаю, что звать отца нельзя. Он не должен отвлекаться. Дважды я получал за это и еще сильнее получал мой отец. Иногда он выглядел немного побитым. А последние две недели я не видел его у рынка, где они обычно появлялись. Я посмотрел на Джено.

– Ладно, показывай, что ты там видел – я уже смирился с тем, что вернусь поздно и мне влетит. Возможно, даже придется стоять коленями на горохе. Хотя тысяча пенгё может заглядывать любое опоздание.

Джено заулыбался, кивнул и потянул меня за собой.

– Давай. Только быстро.

Мы свернули в темный проулок и побежали. Джено бежал уверенно и хорошо ориентируясь, а я старался не отставать от него. Еще немного, Джено поворачивает влево, я за ним. Джено бежит вперед, я за ним. На мгновение он останавливается и что-то бормочет себе, потом поворачивает направо и снова бежит. Я стараюсь не отставать, но я устал, и очень сильно. В какой-то момент я теряю Джено из вида. Но тот меня окликает, и я снова бегу. Догоняю его уже в трех проулках. Друг стоит рядом с забором, за которым старинный дом.

– Смотри.

– Куда? – Джено отходит в сторону, я замечаю небольшую щель в заборе и прилипаю взглядом.

Сначала ничего особенного не видно. Я не сразу понимаю, куда смотреть. В доме есть свет, но он ярче, чем от свеч. Даже если бы их было много. Это не похоже ни на одно свечение, которое я видел раньше. Свет белый-белый и такой холодный, что даже глаза начали слезиться. Я видел, как свет перемещался по дому. Где-то становясь ярче, где-то чуть тускнея. Кто-то явно ходил по дому с этой лампой. На какой-то момент мне показалось, что свет идет из короткой лучины, но я подумал, что это мое воображение мне подсовывает такие штуки.

– Что это? – наконец спрашиваю я.

Джено смотрит на меня и качает головой.

Я снова смотрю в щель. Из дверей дома кто-то выходит. Кто-то высокий. Я пытаюсь рассмотреть странника, но свет слепит глаза, и я не могу увидеть кто это. Тот, кто шел со светом, что-то очень быстро произносит, и свет гаснет, глаза еще не привыкли к темноте, а я снова не понимаю, кого вижу.

Джено отталкивает меня и сам припадает глазом к щели.

– В доме никого нет. Он ушел. Видел?

– Видел.

– Может быть, посмотрим, что там в доме?

Я даже оторопел от такой наглости.

– Чего?

Джено повторил.

– Ты в своем уме? – я пытался понять, серьезно ли говорит Джено. – Если нас поймают, мы не отделаемся какими-нибудь ударами палкой по спине. Нет, я не пойду, и ты не пойдешь. Все. Возвращаемся.

Я развернулся, чтобы пойти в сторону ночлежки. Джено поплелся следом. Я был в возмущении. Забраться в дом! Еще чего не хватало?

– Мне надо идти. Старуха меня убьет. И так опоздал на добрых полчаса.

Джено кивнул. Мы постепенно возвращались на центральную улицу. Отсюда до ночлежки один квартал. Пара минут бегом.

Мы вышли на центральную улицу. Я махнул рукой и побежал в ночлежку.

Как и предполагалось, я опоздал. Старуха сидела в кресле с закрытыми глазами и курила сигарету с длинным мундштуком. Запах и дым табака тут же окутали меня.

Я сделал шаг в сторону лестницы, ведущей на второй этаж ночлежки.

– Ты опоздал, мелкий гаденыш! – проговорила старуха, медленно цедя слова сквозь злость и зубы.

– Да, мадам Басоль, – я склонил голову. Так заведено. Поднять глаза на нее в такие моменты – значит бросить ей вызов, а я не хочу этого делать.

Старуха редко вставала со своего кресла, но сейчас встала. Ох, не к добру это. Не к добру. Старуха приближалась ко мне. Я невольно втянул плечи. Сама же старуха Басоль была высокой, худой, но при этом очень быстрой. Но в этот раз она приближалась медленно. Я вдруг ни с того, ни с сего подумал, «о чем она думает?». Странная мысль тут же исчезла из головы.

– Деньги? – проговорила старуха.

Я выложил на стол для денег одну банкноту в пять сотен.

Старуха посмотрела на деньги.

– Мало. Останешься без ужина сегодня.

– Да, мадам Басоль.

Старуха приблизилась ко мне.

– А теперь, щенок, расскажи мне, почему ты опоздал? – это было приторно ласково. И угрожающе одновременно. Что ей сказать? Правду? Соврать? Нет, я не успею ничего придумать. В прочем, про деньги не надо ей знать. У меня в носке осталось пятьсот пенгё. Придется врать. Если сказать ей правду, можно навредить себе больше. С другой стороны, не придется ничего запоминать. Проще сказать правду. Я набрал в легкие побольше воздуха и на выдохе, словно окунаясь в ледяную воду:

– Ходил смотреть на волшебника.

Старуха остановилась.

– На кого смотреть?

– На волшебника. Я на рынке услышал, что кто-то видел... – Джено нельзя упоминать при старухе.

Старуха очень быстро приблизилась ко мне и дала пощечину. Это было очень быстро и неожиданно. Я опешил. Лицо Старухи было каким-то странным. Я никогда такого лица не видел. Злое, но при этом растерянное.

– Не смей мне врать, маленький ублюдок. Думаешь, это остроумно? Опять с этим сопляком шатался?

Щека горела, всё-таки пощечины я получал не так часто, как остальные. Слезы потекли по лицу. Я не плакал, но контролировать слезы еще не научился.

– Подожди, щенок, сейчас я возьму прут, и ты узнаешь про волшебников все. Я тебе это обещаю.

Я понял, что будет. Старуха быстрым шагом пересекла кухню и достала прут.

– Сейчас я все тебе расскажу о волшебниках, мелкий ублюдок. Отвечай быстро, где ты был и почему опоздал?

В этот момент я подумал, что правду говорить иногда себе дороже.

– С Джено ел пирожное, которое он мне купил, мадам Басоль.

Старуха остановилась. Посмотрела на меня. Это было похоже на правду. Покрайней мере прут вернулся на свое место.

– Останешься завтра без завтрака, щенок. А теперь с глаз долой.

Такие приказы надо выполнять немедленно и без лишних уточнений. Я бегом вбежал на второй этаж.

Быстрым движением открыл комнату, в которой помимо меня жило еще двое ребят. Они были старше меня и редко со мной говорили. Оба посмотрели на меня и ничего не говоря улеглись в кровать. Я тоже. Щека горела меньше. Я приложился горячей щекой к холодной, прохуdivшейся подушке. Стало легче. Я смотрел в окно, думая, как было бы здорово сбежать от всего этого, но я не мог. Как и остальные, кто оказался у Старухи Басоль. Дети заключенных брались ей на опеку и до освобождения родителей находились в Ночлежке. Сама же Старуха получала не малые деньги на содержание детей. Но оставляла их себе, а детей заставляла работать на рынке, а все, что заработано, приносить ей. Я много раз думал о побеге, но знаю, что это невозможно. Я пробовал. У меня было шесть попыток сбежать. Всякий раз, когда меня находили, мне доставалось от Старухи, от полицейских. Но самое страшное, что за мои побеги доставалось моим родителям. Я узнал об этом после последнего побега, когда увидел на противоположной улице моего избитого отца, который махал метлой и не смотрел по сторонам. Его длинные волосы упали на глаза, но одного мгновения мне хватило, чтобы понять, что к чему. Пока родители находятся за решеткой – я не могу ничего сделать. Самое обидное, что у меня нет возможности даже выяснить, насколько я тут застрял. Знаю, что Ант живет у Старухи уже пять лет. Значит, преступление, которое совершили оба родителя, очень серьезные. Он уже давно смирился с тем, что его за человека не держат. Ему поручают самую грязную работу. Я ворочался на жесткой кровати и не мог представить, как можно это терпеть пять долгих лет. Я попытался закрыть глаза. Сам того не заметив, я уснул.

Обычно я ненавижу свои сны. Они тяжелые. Я их не помню, но мне всегда после них тяжело вставать. Сначала ничего не происходит. Я просто проваливаюсь в свои мысли и всё. Но спустя несколько мгновений я начинаю что-то слышать. Где-то далеко заиграла убаюкивающая музыка. Она была успокаивающей. Да, я знаю, что это. Чувствую, что сон становится мягче, добрее. Я вдруг услышал, как голос мамы поет. И вдруг стало так светло. Как будто день пришел ночью. Это всего лишь сон.

*Спи, мальши, все хорошо,
Ночь пришла в наш двор.
Светит месяц за окном,
Ночь пришла в наш двор.
Мама рядом, папа спит,
Закрывай глаза.
Нет, не тронет нас беда.
Закрывай глаза.*

Удар колокола. Песня прервалась, и все снова погрузилось во тьму. Полночь. Где-то далеко я услышал, как по улице скачут несколько лошадей. Этот звук сложно с чем-то спутать. Это всего лишь сон. Но звук отчетливый, как будто он совсем рядом. Я открыл глаза.

Окно было распахнуто. Двое спали в своих кроватях. Звук лошадей усиливался. Я подошел к окну. Ветер резко влетел в комнату, и занавески хлестнули мне по лицу. Я испугался, но, подумав, что это нелепо, выглянул в окно. И замер.

На улице я увидел тройку черных, как смоль, лошадей, которые везли за собой повозку. В повозке сидел человек, а на плече у него была ящерица. Большая. Я и не видел таких раньше. Повозка ехала медленно. Улица из-за газовых фонарей была светлой, но, как только повозка приближалась, свет в фонарях исчезал. Однако огонь снова зажигался, как только повозка проезжала. Я присел. Не хотелось попадаться ему на глаза. С другой стороны ехала пара лошадей и двое всадников. Они проехали мимо нас. Недалеко от нас они остановились и долго стояли вместе, разговаривая. Я все это время наблюдал за ними, пытаюсь понять, о чем они говорят,

но идей не было. Это могло быть что угодно. Спустя, наверное, пару десятков минут они начали разъезжаться. Когда они проезжали мимо меня, я заметил в руке мужчины в повозке что-то похожее на тоненькую палку, которую тот аккуратно держал в руке концом вниз и что-то как бы чертил в воздухе. Я не поверил своим глазам. А странный мужчина, проезжая мимо меня, вдруг повернул голову и подмигнул мне. Точно говорю. Мне не привиделось.

Внезапно дверь распахнулась и в ней, со свечой в руке оказалась Старуха.

– Что ты тут делаешь, мелкий сорванец?

Я быстро собрался с мыслями. Могло показаться, что я растерялся, но на самом деле, я выбирал из пары вариантов лжи, которую мог выдать Старухе.

– Прикрывал окно, мадам Басоль.

Та посмотрела на меня с ненавистью, сжала губы, прищурила глаза, но промолчала.

– Говори тише, выродок. Марш в постель, и чтобы ни звука.

Я быстро отправился туда, куда мне предложили.

Дверь закрылась, а я слушал, как Старуха пробирается в свою конуру, так я называл ее комнату.

Мне не терпелось рассказать Джено о том, что я видел.

Я закрыл глаза, и тут же в моей голове появился образ ящерицы. Она была огромной и не столько походила на ящерицу, сколько на дракона. Огромного, с большими когтями, огромной головой, зелеными глазами и в чешуе, как в броне. Таких я видел на паре картинок в детских книжках, которые были редкостью у Старухи. А на этом драконе сидел тот самый странный мужчина, который подмигнул мне. Я не смог запомнить его лицо. На какой-то момент показалось, что этот дракон летит от меня, но он развернулся и полетел в мою сторону. Странный человек на драконе что-то кричал. Я не понимал смысла слов, что он говорит, но слова легко и отчетливо стали слышны в моей голове.

– *Mala mundo ventura nullo scire potest impedire. Et veniens magnum certamen. Ave Grindelwald. Vive Grindelwald. Jégesó Grindelwald.*

Потом все стихло. Я стоял посреди Сна. И я отчетливо помнил имя. А потом я проснулся, потому что услышал:

– Подъем, выродки! Через пять минут жду всех на завтрак. Кто не появится – останется без ужина.

2. Зловещие сны

17 апреля 1939 года. Тюрьма на окраине Будапешта.

День был жарким и в полном разгаре. Дел хватало, и стройная, белокожая девушка, с длинными и темными, почти черными волосами, собранными в тугий хвост, сосредоточенно работала. На вид ей было лет тридцать. Надзиратели внимательно следили за тем, чтобы Тимея не отдыхала. Когда ты сосредоточен, то не слышишь свои мысли. Она и не слышала, но странное предчувствие обручем сжимало сердце. Чем дальше уходил день, тем страшнее ей была ночь.

Тимея плохо спала и сегодня. Сны приходили все более тревожные, и от этого было не по себе. Она лежала на нарах с широко открытыми глазами, заглывая воздух, который, как ей казалось, был наполнен странным серным вкусом и металлическим запахом.

Во сне происходило странное. Она была одна. Последней, похоже. И ей грезились стоящие строем неизвестные. Было очень сложно сказать, волшебники они или нет, но это была Сила. Во главе верхом на огромном драконе сидел странный человек. На голове у него было что-то вроде короны или ей просто так казалось, а вокруг были мертвецы. Много мертвецов. Пустые глаза, уставившиеся на Тимею. Совсем недавно погибшие, это она знала наверняка, но непостижимым образом продолжающие смотреть на нее. Страшно.

Тимея хотела закричать, но не смогла. Голос вдруг пропал. Она понимала, что это сон, но проснуться не получалось. Взгляд был прикован к той Силе, которая стояла перед ней. Она почувствовала себя беспомощной. Хотелось бежать, но и это не выходило. Немигающим, полным ужаса взглядом она смотрела на тех, кто совсем недавно убивал.

Дракон сделал шаг в сторону Тимеи, и весь строй, казалось, приготовился к атаке. Дракон медленно, как палач, приближался к Тимее. Она уже чувствовала его жаркое дыхание и запах серы. Представив, что может сделать с ней это чудовище, Тимея сделала шаг назад. С трудом, но второй шаг тоже получился. А дракон приближался. Вдруг Тимея пригляделась к лицам тех, кто стоял в строю. И закричала. Она знала всех до единого. Каждого. Друзья, враги, любимые и не очень. Все стали ими – вурдалаками. Опасными и агрессивными порождениями Гор и Тьмы, обращенные из волшебников и чародеев. А на их руках в свете луны мрачно отдавало бордово-матовым. Дракон был совсем рядом. Еще немного, и он схватит ее. И тогда Тимея побежала. Дракон метнулся за ней, вся армада тоже. Между ними была не очень большая дистанция, и эта фора покрывалась тремя взмахами могучих крыльев. На мгновение Тимея обернулась, и в этот момент она споткнулась, растянувшись по земле и больно ударившись затылком о небольшой камень. Но она заметила кое-что справа от нее. Палочка. Рукой она быстро дотянулась до нее и, обернувшись, увидела приземлившегося неподалеку дракона.

Армия подходила всё ближе, но времени им нужно больше.

– Ты знаешь, кто я? – неожиданно спросил дракон. Шипя и еле проговаривая буквы. Чешуйчатая морда приблизилась к лежащей Тимее, обдав ее жаром, отчего ей захотелось зажмуриться и закрыться руками, но она этого не сделала, а только смотрела в глаза дракона. Дракон очень четко проговорил свое имя – Ловербард мое имя, смертная! Я Белый дракон! И я ищу то, что было спрятано не тобой, было найдено не тобой, похоронено в памяти их, забыто чародеями, но не тобой, и ты мне скажешь, где это. Срок тебе год!

Тимея, держа в руке палочку, вдруг почувствовала, что сквозь нее снова проходит магия. Значит, не забыла, подумала Тимея. Она поднялась на немного дрожащих, словно ватных, ногах, вытянула руку с палочкой в руках и произнесла, с трудом проговорив на давно забытом ей языке:

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, змей!

Дракон вытянул голову и как-то шипяще засмеялся. Все это время он обходил Тимею вокруг. Та только сильнее сжимала палочку и целилась в Дракона, лихорадочно вспоминая слабые места.

– Понимаешь! И я заберу его не раньше, чем распустятся цветы в саду у старой Башни, Тимея Ковач, чародей! Ты ничего не сможешь мне сделать, никто не может!

Тут Дракон опустил голову и со специального седла спустился толстяк, во фраке, цилиндре, в лакированных туфлях и очень уверенно пошел к Тимее, но лица его было не разглядеть. Та навела на него палочку, но наездника это не остановило. Он продолжал идти. А Дракон тем временем стоял неподвижно, лишь хвост равномерно двигался в разные стороны, рассекая воздух. От нее не скрылся насмешливый взгляд. Тимея крикнула уже окрепшим голосом:

– Остановись, иначе я...

– Иначе что? – с насмешкой спросил Толстяк, доставая свою палочку.

– Арагис! – воскликнула Тимея, струйка желтого пламени сорвалась с палочки, попала в левую ногу толстяка, но больше ничего не произошло. Толстяк засмеялся.

– Ты ничего не можешь сделать в снах, это не твой мир. Но сон ты запомнишь: это предупреждение тебе и твоему предателю-мужу. Вы склоните головы и отдадите души во славу Гриндельвальда, если не сделаете то, что должны! Отдай нам это, и никто не пострадает из тех, кто тебе дорог.

Тимея занервничала. А Тостый продолжал идти все ближе и ближе. И вот оно, его лицо. Оно было ей знакомо, но очень давно и смутно. По имени она не помнила. Или не знала. Толстяк приблизился почти вплотную, и Тимея почувствовала его запах. Мускус и лаванда. Она точно знала этот запах, но память ничего не хотела ей возвращать. Толстяк встал прямо напротив Тимеи, и она приготовилась к тому, что ее, возможно, убьют сейчас. Но вместо этого незнакомец забрал из ее руки палочку.

– Мало ли что, а? – издевательски подмигнув, развернулся и пошел к дракону. Когда Толстяк залез на свое место, дракон раскрыл пасть, и Тимея почувствовала, как земля под ногами плавится, а сама она превращается в горсть пепла. – Я передам привет Марку!

Где-то вдалеке она услышала, а может ей так показалось, что Толстяк кричал «Да здравствует Гриндельвальд». Тимея вдруг открыла глаза.

Серный запах никуда не исчез. Но вокруг нее стояли несколько товаров, которые внимательно, с тревогой на нее смотрели.

– Ты кричала.

Тимея приподнялась на локтях, но голова ее закружилась, и она плюхнулась на жесткие нары и закрыла глаза.

– Сильно? – Спросила Тимея.

– Да, как будто тебя режут.

– Даже хуже. – кто-то еще добавил. Тимея лежала с закрытыми глазами и не знала, что сказать. Кто-то коснулся ее лба.

– Да ты вся горишь!

Тимея молчала, она чувствовала, что сон еще держит ее в своих руках. Тело ломило, а сознание хотело провалиться, но одной волей она держала себя, оставаясь в сознании.

– Эй, врача!

Товарки уже стучали по двери камеры. На дворе очень раннее утро, может, часов пять утра, по ощущениям Тимеи. Через несколько минут пришла надзирательница.

– Чего у вас тут? Ну-ка! отошли от двери! – строгий женский голос был с хрипотцой и отдавал презрением.

– Плохо тут человеку! Врача надо!

– Нет врача еще, до полудня не будет! А теперь заткнулись и разошлись по нарам, а то в карцер всех! – кричала-гавкала надзирательница.

Товарки разошлись по местам, а Тимея лежала без сил и чувствовала, что грядет что-то большое. Это изменит мир, и он уже не будет прежним. Она закрыла глаза и провалилась в объятия Морфея, и до самого подъема не видела снов.

3. Кто ты и что ты тут делаешь?

18 АПРЕЛЯ 1939 года, Будапешт

Старуха шла своей шаркающей походкой по первому этажу. Значит, на часах семь утра. Нет, 6:59, потому что я слышал ее шаги раньше, чем она трубно заголосила:

– Подъем, выродки! Через пять минут жду всех на завтрак. Кто не появится – останется без ужина.

Я помнил, что вчера Старуха запретила мне завтракать, но спуститься должен был. Был у Старухи садистский прием: наказанный должен был наблюдать, как едят остальные. Я натянул чистые носки, рубашку и штаны. Пока я боролся с пуговицами и ремнем, прошло три минуты. Опаздывать нельзя. Если Старуха сказала пять минут, значит пять минут.

Старуха прокричала:

– Минута!

Мои «соседи» тоже были почти готовы. Осталось только надеть неудобные ботинки и все готово. Ант и Боки, так же как и я, отданные Старухе, оба уже спускались по лестнице. Я же завязывал шнурок. Когда я спустился по лестнице и оказался в просторной гостиной я наткнулся на взгляд Старухи, она смотрела на меня с презрением. Я сделал вид, что не понял ее взгляда. Старуха сузила глаза и мягким и приторным голосом произнесла:

– Ты опоздал, Ковач.

Делать нечего. Я опустил голову и произнёс:

– Прошу прощения, мадам Басоль.

Остальные сидели за столом и склонили голову. Нельзя поднимать ее и смотреть на наказанного, пока Старуха вершит «правосудие».

– Он просит прощения! Слышали? – и тут началась старая лекция. – Вы должны понимать, мальчики, почему я так строга с вами. Вы молоды и неопытны. Неспособны пока правильно смотреть на мир. И раз на меня была возложена миссия по опеке, я должна ее выполнить, максимально нанеся вам пользу. Труд действительно помогает сделать из молодых людей мужчин. Я обязана вложить в ваши неокрепшие умы желание трудиться на благо. Помните о том, что вы будущие мужья и у вас тоже будут дети, которые тоже должны будут вырасти добрыми людьми, ценными в обществе.

Тут Старуха плавно перешла к вопросам дисциплины, преступления, наказания и ответственности за свои поступки.

Спустя двадцать минут тем, кто не наказан было разрешено позавтракать, а я остался стоять и смотреть. Но есть не хотелось, поэтому я вполне спокойно наблюдал эту картину. Больше всего мне хотелось покинуть ночлежку и выйти на свежий воздух. Все, как назло, ели медленно. Как будто сговорились. А мне не терпелось увидеть Джено и рассказать ему то, что я видел.

После завтрака Старуха, как обычно, отдавала распоряжения, и я оказался, как обычно, грузчиком и мальчиком на побегушках на рынке. Остальные разбрелись по своим делам. Ант в коровник, а Боки досталось работать по домашним делам. Это значит, что Боки должен будет быть у бакалейщика, найти слесаря, потом оказаться в паре мест, вернуться домой и сделать все по дому. В том числе стирка. В общем, не очень повезло. Это не приносит денег. Зато не надо будет по ветру ходить и бояться простыть. Простыл – не приносишь денег – не ешь. В понятиях Старухи это было справедливо и практиковалось постоянно.

Анту досталось как обычно. Самый адский труд. Все знают, что коровники Старухи самое грязное место в мире. После завтрака Ант встал и не поднимая глаз пошел в кладовую, чтобы взять комбинезон, перчатки и ватник с резиновыми сапогами, которые все равно не помогли.

Детям в доме Старухи запрещено разговаривать друг с другом под угрозой наказания попасть на чердак. Что там, на чердаке, никто не знает, но слухи о нем знает даже Джено. И самое главное, дети никогда не пересекаются работой. Старуха понимала, что поодиночке мы не сможем придумать план побега. Я признавал, что это было очень умно.

Я смотрел, как Ант уходит через заднюю дверь, Боки поднялся наверх и скоро должен был спуститься, чтобы идти в бакалею. Я же, получив возможность наконец-то выйти из дома Старухи, распахнул входную дверь и вышел в утро.

Оказавшись на утренней прохладе, я огляделся. Фонари на месте. Еще горят, но с каждой минутой становится светлее, и скоро должен был появиться человек, гасящий газовые колонки у фонарей. Да, так и есть. Через пару минут появился в рыжем костюме лысеющий старик, который быстро и методично выключал фонари. Это не было похоже на то, как гасли фонари тогда, ночью. Я посмотрел туда, где повозка остановилась. Ничего необычного. Дом как дом. Да и улица ничем не отличалась от улицы, которую я знал всегда. Значит, это случайность? Может быть. Но Джено все равно расскажу. И еще надо рассказать про имя, которое я запомнил. Интересно, что оно значит? Со школы я никого не знал. Ни одна историческая личность не носила имени из сна. Может быть, покопаться в библиотеке? Библиотеки открываются в девять утра. У меня было примерно полчаса, но я не мог это сделать прямо сейчас. Сначала рынок. Если Старуха узнает, что меня не было на рынке, – проблем не избежать, я легко могу оказаться на месте Анта. Нет уж. Поэтому я быстрым шагом направился на рынок. Если успеть к открытию, то больше людей меня увидят. А это то, что мне сейчас нужно.

Рынок находился в часе ходьбы от ночлежки. Когда я пришел к рынку, то увидел, как торговцы только приходят к складам, открывают их, достают тележки и нагружают их тюками с товаром. Я пошел туда, где меня знали. Пробежав между рядами, я попался на глаза молодой торговке, которая, завидев меня, махнула рукой:

– Марка! Давай сюда!

Я прибежал к ней. Торговка улыбнулась и затараторила:

– Я потянула спину. Не могу загрузить тележку. Загрузишь, отвезешь к лотку, разгрузишь – дам двести пенгё, идет?

– Идет! – легко ответил я и принялся за работу. Тюки были тяжелыми. Я загрузил их на тележку и связал веревками, чтобы они не упали по дороге. Когда все было готово, я повез тележку к лотку. Ее место на рынке было недалеко от входа, я его хорошо знал, поэтому достаточно быстро пригнал тележку и, разгрузив ее, получил свои деньги и отправился обратно к складам. Проходя мимо больших дверей, я подходил к торговцам, спрашивая:

– Помощь? – отказ.

– Урам, урам! Помощь? – снова отказ.

– Пани, помощь? Недорого!

И так час, пока все торговцы не разбредутся по лоткам. Итого за утро я заработал всего двести пенгё. Мало. Чем теперь заняться? Можно помогать покупателям или торговцам, которые будут продавать большие партии или если у кого-то закончится товар. Надо держать ухо востро, чтобы успеть быстрее, чем местные базарники, беспризорные дети, обитающие на рынке. Тут свой рынок и своя конкуренция. И да, их нельзя бояться. Иначе ограбят. Меня несколько раз пытались, но безуспешно. Я приходил в синяках, но с деньгами, которые не отдал. Старуха не задавала вопросов, просто забирала деньги, а на следующий день отправляла меня снова на рынок.

По моим прикидкам, Джено должен был уже в одиннадцать часов прийти на рынок за продуктами. Отлично. Есть еще пара часов. Сон не шел из головы. Что говорил тот, который был на драконе? Я точно не знаю того языка, на котором говорил странный на драконе. А единственная фраза, которая мне точно была понятна, связана с именем. Терпение было на исходе. Если я еще буду медлить, то просто сгорю от любопытства. Я стал лихорадочно соображать, как

сбежать с рынка в такое время, когда торговцам я мог понадобиться в любой момент. Единственный путь был через вторые ворота. Да, это большой крюк, но зато я не попадусь ни одному из торговцев на глаза. А если меня заметят, так я легко смогу оправдать мой поход тем, что иду на склады. Нормально. Теперь надо просто дождаться Джено, и можно будет пробовать.

Я ходил между рядами торговцев. Они весело шутили, говорили о своих делах, практически не замечая меня. Время подходило к половине одиннадцатого. Пройдя очередной ряд и попутно предложив всем помощь (о заработке я никогда не забывал) я повернул в сторону основного входа на рынок. Как раз успею дойти, чтобы увидеть пришедшего Джено.

Каникулы в самом разгаре, а потому он спит, как хорек, до самого последнего поющего петуха. Я почти пришел, когда увидел несколько бритых голов, которые шли в мою сторону. Решение пришло моментально. Я свернул в сторону вторых ворот. Мне не нужна встреча с ними. Не сегодня. Когда я было двинулся в нужную сторону, меня окликнули.

– Эй, Марка!

По спине прошел холод.

– Марк! Иди сюда!

Я обернулся и выдохнул. Это был молодой парень с усами, которые он прилежно стриг, Булу. Он махал мне рукой. Я улыбнулся и подошел к нему:

– Да, урам, чем могу помочь?

– Не урам, Марк, а Булу, я же просил тебя, – Булу пожал мне руку. – Занят?

– Не, время есть, – я не отказываюсь от денег никогда, особенно когда просит Булу. Он всегда хорошо платит.

– Отлично. Тогда вот что: нужно отнести продукты мадам Лиару и взять у нее плату за них. Она живет недалеко от Ратуши. В двадцать четвертом доме. Я дам тебе за это пятьсот пенгё. Берешься?

Я думал меньше секунды и затем кивнул. Булу повел меня за лавку и дал два увесистых пакета. Лучше повода уйти с рынка нельзя было и придумать. Потом он провел меня до главных ворот:

– Ну, все. Жду тебя обратно с деньгами. Полторы тысячи пенгё. Давай, Марка, иди.

И я пошел. Нужный дом нашелся практически сразу. Передав продукты и получив деньги, я решил, что сначала отдам их, а потом позволю себе уйти с рынка. Алиби было готово, и все видели, как я уже уходил и возвращался. Мало ли зачем меня послали, да? Так и поступил.

Когда Булу отдал обещанные деньги, я решил, что теперь можно пойти заниматься своими делами. По крайней мере, до вечера времени хватает, чтобы не вызывать подозрений. Если вечером меня не будет, то торговцы это заметят и будут проблемы.

Я вышел через основной вход на рынок и побежал в сторону библиотеки. Меня что-то подгоняло, а в голове назойливо стучало «*Jégeső Grindelwald*»

Я бежал со всех ног. На меня смотрели как на ненормального, но это было неважно. Пару раз я чуть не налетел на лавки, которые ставят цветочники рядом со своими домами или теплицами.

– Эй, аккуратнее! Босота совсем не уважает порядки! – с этими словами толстяк в клетчатой рубашке и комбинезоне чуть не снес меня горшками, которые таскал в крупных руках.

– Извините, урам! – на бегу крикнул я.

Я продолжал бежать и даже ни капли не устал. Где-то за моей спиной прозвучал глубокий и сильный удар колокола. Потом еще один. Я был почти на месте. Я уже видел колонны городской библиотеки. Тогда я перешел на шаг. Вокруг меня ходили люди, проезжали возницы и автомобили. Я остановился, как будто кто-то держал меня. Оглянувшись и не обнаружив никого, кто мог бы следить за мной, я зашагал в сторону библиотеки.

Если бы он просто прошел мимо, ничего бы не произошло. Сейчас это очевидно. Я ведь видел его раньше. Я почти подошел к библиотеке, когда меня снова сбил с ног толстый и высокий, с тростью в руке. Когда я упал, больно приземлившись на задницу, он повернулся ко мне на мгновение, и этого хватило. Как вспышкой в голове пронзило имя «Гриндевальд». И дракон.

Толстый с тростью удалялся, а я, поднявшись на ноги и потирая ушибленный зад, почему-то стоял еще секунд десять. В конце концов, толстый находился в поле зрения, и я пошел за ним. Толстый шагал быстро, а тростью скорее отбивал ритм, чем опирался на нее реально, и я то и дело сбивался на бег, чтобы не потерять из виду обидчика. Толстый тем временем петлял по улочкам, сворачивая то в одну узкую улицу, то в другую. Я старался запомнить путь обратно и не мог: скорость, с которой передвигался толстый, и скорость, с которой приходилось двигаться мне, не давали ни малейшего шанса задуматься.

Эта погоня продолжалась уже довольно долго, а я почти не приблизился к толстому. Да и что бы я ему сказал? Я уже перестал понимать, зачем вообще отправился за ним! В боку уже кололо, я напрочь заблудился, и к тому же у меня оставалось мало времени, чтобы вернуться на рынок. Сделав очередной поворот, толстый скрылся с моих глаз. Я поднажал и остановился около угла, куда свернул мой визави. Я заглянул за угол. Никого. Только арка, мусорные баки и тупик. Ни толстого, ни прохода вперед. Глухие стены, без дверей и окон. Я сначала подумал, что мне мерещится. Пришлось пару раз моргнуть. Всё по-прежнему. Я вышел из-за угла. Сделал несколько шагов в арку. Прислушался. Странно. Я продолжал идти вперед, но не мог понять, что происходит. Что-то очень тревожило меня. Когда я понял, что, было поздно. Следующий шаг давался очень тяжело, как будто пришлось выбираться из болота. Но когда я его сделал, сердце у меня чуть не выскочило из груди, а грязное ругательное слово застыло на языке. Я перестал что-либо понимать, потому что весь мир перевернулся вверх тормашками.

Я стоял на улице, солнце светило, было немного прохладно, однако я тут же вспотел в своем прохудившемся пальто, хотя был уверен, что замерзну. В Будапеште в апреле всегда холодно. Шаг. Улочка, где я видел глухую стену, уходила дальше. Стена была, но дальше. И до нее был поворот налево и еще одна арка. Я пошел вперед. Дошел до арки, но выходить не спешил, заглянул за угол. Люди были. Но выглядели они немного странно. Я смотрел на то, как они одеты, и мои глаза расширились от удивления, а челюсть чуть не отпала. Я и не видел-то таких одежд раньше. Хотя нет, видел, даже припомнил, где. В театре. В какой-то исторической постановке, которой и названия не помню. Мужчины и женщины, дети, собаки, кошки и... крысы. Совершенно спокойно шли по тротуару, разговаривая или спеша по своим делам. Мужчины, практически все стройные, в шляпах, формы и размеры которых сразу бросались в глаза, некоторые в плащах, невысоких сапогах, просторных рубахах. У некоторых жилеты. Женщины же были одеты в просторные платья, на головах у некоторых были шляпы, а у некоторых береты или платки. Город жил.

Я пытался глазами найти толстого, но он пропал. Я посмотрел назад, на место, откуда я пришел. Арка и стена. В этот раз я уже не удивился. Прислушался к себе: дыхание не очень ровное, в висках стучит. Я решил пройти до конца арки и потом вернуться. Вышел из-за угла и сделал несколько неуверенных шагов. Небольшой ветерок подул на меня. Когда я вышел из арки, мне пришлось расстегнуть пальто, потому что мне было жарко. Это была совсем майская погода. Я огляделся, народу оказалось гораздо больше, чем я мог видеть, пока стоял за углом.

Я заметил их первым. Черные пальто, на голове что-то военное, со шпилем, а лица закрыты чем-то, с большими, черными же глазницами. В руках у них ничего не было. Я не знал, кто это. Подумал, что военные. Слишком уж четко все у них. Таких... кого, военных ли, я еще не видел. Они шли слаженно, не нарушая строй. Я загляделся, потому что выглядело это жутко и завораживающе одновременно. Дойдя до первых перекрестков, две группы отделились

от основной колонны и пошли каждая в своем направлении. Попутно от основной колонны отделялись по одному-двум людям, и те заходили в здания. Во все здания. И тогда я услышал первые крики. Кричали женщины. Я обернулся и увидел, как двое черных тащили за руки молодую девушку. За ними бежал усатый, немолодой мужчина, который выхватывал палочку и что-то кричал черным. Его не стали игнорировать: один что-то резко произнес, и из его руки вылетело оранжевое пламя, которое пробило усатого насквозь. Тот упал и больше не поднялся. Снова крик, я огляделся, и снова оранжевое пламя, которое выбилось из груди девушки, бежавшей в мою сторону. Это было очень быстро, люди просто падали замертво.

Тем временем колонна продолжала идти. Она становилась меньше, а из зданий, в которые заходили черные, я слышал крики, звон разбивающихся окон и вылетающие то тут, то там зеленые вспышки.

Вдруг по всей улице разнесся чей-то голос:

– Hände hoch. Nicht bewegen. Keine Fragen gestellt werden. Руки поднять вверх. Не шевелиться. Не задавайте вопросов.

Через несколько секунд снова то же самое.

Я видел, как бежали дети примерно моего возраста, как в них попадали зеленые вспышки, как, словно подкошенные, падали они, разбивая себе лица, но уже ничего не чувствуя. Видел, как некоторые мужчины, выхватывая короткие палочки, пытались сопротивляться, палочки выбивали то синие всполохи, то белые. Как некоторые попадали в черных и не причиняли им никакого видимого вреда. Я видел, как быстро и слаженно черные пресекали все попытки к сопротивлению оранжевыми вспышками. И тогда я запаниковал. Я никогда не видел смерть так близко. Только что, еще живые, они умирали. Я хотел кричать, но дыхание перехватило и в голове запульсировало от боли.

Я попятился в арку, чтобы скрыться за углом и снова пройти в стену, из которой вышел. Когда у меня почти получилось, мне на глаза попала девочка примерно моего возраста, которая бежала в мою сторону. Двое черных заметили ее, но пущенный в нее заряд угодили в стену, где стоял я, а та, в свою очередь, развернувшись на бегу, взмахнула палочкой, что-то прокричав. Из палочки вырвалась белая змейка дыма. Черные тоже не стали ждать и пару раз вспышки пролетели очень близко от головы. На секунду она остановилась и прокричала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.